

Чернова, М.С. Пути постижения белорусской мифологии: книга Яна Барщевского «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» / Русская литература и методика ее преподавания в современном поликультурном пространстве: автор – жанр – стиль: материалы Международной научно-практической конференции / Брест 4–5 октября 2012 года / БрГУ им. А.С. Пушкина / М.С. Чернова – Брест, 2013. С.217-222.

Чернова М.С. (Могилев)

ПУТИ ПОСТИЖЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ МИФОЛОГИИ: КНИГА ЯНА БАРЩЕВСКОГО «ШЛЯХТИЧ ЗАВАЛЬНЯ, ИЛИ БЕЛАРУСЬ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ».

Белорусская литература 1830-40 гг. развивалась в сложных исторических и социально-политических условиях, сопровождавшихся национально-религиозными противоречиями. Полонизация уступила место русификации, политике, проводимой российским правительством в ответ на польское восстание 1830 г. В школах был введен запрет на преподавание на польском языке, и языком обучения стал русский. В 1839 г. отменялась уния, и православная церковь заняла господствующее положение. В официальных бумагах Белоруссия стала называться Северо-Западным краем Российской империи, а понятия «белорус» и «белорусский» находились чуть ли не под запретом. Процесс русификации, так же, как и ранее полонизация, не способствовал укреплению и развитию белорусского национального самосознания.

В этих условиях литературное творчество фактически оставалось единственной формой национального самовыражения. Ю. Гжималовский, И. Марцинкевич, А. Грот-Спасовский, В. Реут, А. Гроза, В. Чайковский переводили белорусский фольклор на польский язык или создавали стилизации под народные произведения, используя белорусские легенды, сказки, пословицы и поговорки, сохраняя белорусский этнографический колорит и развивая интерес к белорусским традициям [2, с.75].

Основываясь на эстетических принципах польского романтизма, используя в своих произведениях исключительно польский язык, эти писатели, тем не менее, образовали так называемую «белорусскую школу» - своеобразное краевое течение в польской литературе 1830-40-х гг., позволяющее говорить о Белоруссии в общеевропейском контексте идеологического и культурного развития.

Под влиянием концепции нации и национальной культуры Г. И. Гердера представители этого течения начали активный поиск и эстетическое освоение родной фольклорно-этнической культуры. Тем

самым писатели «белорусской школы» положили начало осмыслению белорусской национальной самобытности и ее характерных особенностей. А.Н. Пыпин подчеркивал, что «народно-романтическая струя» в белорусской литературе послужила к появлению «образовательного движения» - «умственная жизнь получила новую складку: возник интерес к народным массам» [5, с. 59].

Однако уже в рамках данной тенденции появлялись писатели, которые не только в соответствии с общими требованиями романтизма литературно обрабатывали фольклорные сюжеты и образы, но и подчиняли их собственным мировоззренческим и эстетическим устремлениям.

Ярким примером такого авторского переосмысления фольклора является творчество Я. Барщевского. «Я. Барщевский стремился проследить пути возникновения таинственного и страшного, неосознанного в сознании своих соотечественников как определенной части их духовной жизни. Народные легенды, предания и поверья этот автор объединил в рамках одной книги по определенным композиционным законам и в соответствии со своей идейной концепцией», - отмечал А.Н. Макаревич [3, с. 10].

Но не только романтическая идеализация народа и не только романтический интерес к фольклору являлись движущей силой в творчестве Барщевского. О.А. Лойко писал: «Романтизм разжег у Барщевского по-настоящему вдохновенную любовь к родным местам. Но влияние литературы не дало бы результата, если бы не реальная близость писателя к жизни. Социальным происхождением, жизненным путем Барщевский был подготовлен к созданию того, что современными литературоведами трактуется как «что-то вроде белорусской «1001 ночи», как своеобразная «Одиссея белорусская» [2, с.93].

В печати Барщевский впервые выступил со стихотворным сборником «Незабудка», в четырех выпусках изданным в Петербурге в 1840-44-х гг. В этот сборник Барщевский поместил свои баллады, основанные на белорусских преданиях, а позже он перешел к прозаическим рассказам, в которых «весьма удачно передавал народный дух и язык» [5, с. 61]. Эти рассказы, озаглавленные «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» (1844-46 гг.), и упрочили за Барщевским литературную репутацию.

Рассказы построены очень незатейливо: автор попадает на родину и поселяется у своего дяди, шляхтича Завальни, местного старожилы, знающего весь околоток, и здесь встречает разнообразные типы, которые и проходят перед читателем с целым рядом историй, рисующих местную жизнь, народные нравы, суеверия и т. п.

Сборник рассказов Барщевского получил весьма противоречивые отзывы. А. Зданович рассматривал «Шляхтича Завальню» как собрание белорусских народных преданий и песен. Противоположного мнения придерживался Пыпин, который усматривал в книге Барщевского лишь

простонародную форму. Он писал: «Не будучи ученым этнографом, Барщевский не гонялся за подлинными текстами народных преданий и свободно развивал свои произведения, кладя народный элемент только в основу» [5, с. 61]. А белорусский критик Р. Подберезский, напротив, считал книгу Барщевского произведением «в высшей мере народным»: «То, что пишет г. Барщевский прозой, непосредственно не касается ни истории, ни литературы, ни языка Белой Руси, но касается вещи более важной – народного духа и поэзии, из которой вытекают и история, и литература, и язык. Он опирался на самый продуктивный принцип, потому что решил дать художественную панораму национальной жизни» [4, с. 354].

Нельзя не признать, что «Шляхтич Завальня» демонстрирует глубокое знание автором и белорусского фольклора, и белорусского язычества, и белорусского быта. В художественном мире Барщевского существуют чернокнижники, чудовища, огненные духи, привидения, летающие драконы-цмоки, плачущие на курганах призраки, нерадивые школяры, превращающиеся в огромных тараканов, русалки и лешие. Однако на этой почве писателю удалось отразить своеобразие «духа» белорусского народа, у которого языческие обряды смешались с представлениями христианской религии.

Сборник состоит из тридцати восьми частей, среди которых повести, вставные новеллы, лирические отступления, воспоминания. Все эти разножанровые части связаны между собой образом слушателя и комментатора рассказов шляхтича Завальни. В рассказах повествователя появляются представители самых разных социальных групп – это и крестьяне, и путешественники, и дворяне, и цыгане. Это многообразие действующих лиц позволяет раскрыть интересы, традиции, пристрастия, настроения белорусского народа в целом.

Барщевский не основывался на каком-либо определенном фольклорном произведении; он брал за основу весь пласт устно-поэтической культуры белорусского народа. Именно там, в фольклорных преданиях, Барщевский стремился найти вечные истины, понимание, что есть добро, что есть зло. Другими словами, в фольклоре он видел обоснование мировоззрения белорусского народа во всем его многообразии.

Характерно, что уже в это время, к 1840-м гг., стала осознаваться вся сложность этого явления – белорусской мифологии как симбиоза двух систем – собственной, исконной, и христианской.

Барщевский понимал, что сосуществование языческой мифологии и христианской догматики у белорусов было настолько тесным, что в чистом виде эти две системы никогда не существовали. И этот эклектизм – главная особенность белорусского национального мировоззрения, основные черты которого Барщевский изобразил в «Шляхтиче Завальне».

Например, Артем, герой рассказа «Вурдалак», по воле судьбы и волшебника превратился в вурдалака. Как описывали вурдалака исследователи-фольклористы А. Богданович, М. Никифоровский, П.

Шпилевский, П. Шейн, в него превращается либо колдун, либо заколдованный им человек, что часто случалось во время свадьбы. Однако оборотень всегда возвращается в свой настоящий облик человека.

В душе Артема совершается постоянная борьба доброго и злого, желание мстить людям и необходимость помогать им, что соответствует природе мифологического образа вурдалака-оборотня. Но фольклорно-языческий образ-символ в финале приобретает выразительные христианские черты, когда доброта становится главной чертой его человеческого облика. Тем самым, в образе Артема-оборотня «отразилось гармоничное напластование вторичного, христианского, на первичное, языческое» [3, с.26]. Такие христианско-языческие соединения в фольклоре и народных обрядах, как Перун-Илья, Иоанн Креститель-Иван Купала, живая вода-святая вода были хорошо известны и русским, и украинским и белорусским этнографам.

Необходимо подчеркнуть, что в России история сосуществования литературы и язычества в художественной словесности началась еще в 1760-70-х гг. с «Русских сказок» В. Левшина, «Старинных диковинок» М. Попова, «Пересмешника» М. Чулкова, была продолжена поэмой «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина. А «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя уже всецело основывались на глубоком знании славянского фольклора.

Кроме того, в 1840-е гг. к изучению славянского язычества, начатого русской литературой, присоединилась и русская мифологическая литературоведческая школа. Так, например, А.Н. Афанасьев на основе фольклорно-обрядовых традиций русского народа стремился отыскать мифологические корни народного творчества. Решению этой проблемы он посвятил работы «Ведун и ведьма», «Колдовство на Руси в старину», «Религиозно-языческое значение избы славянина», «Языческие предания об острове Буяне», которые позднее легли в основу его фундаментального труда «Поэтические воззрения славян на природу». В этом исследовании Афанасьев обоснует идею об индоевропейских корнях славянской мифологии и фольклора. Наряду с Афанасьевым, Ф.И.Буслаев в мифологии искал зарождение и развитие тех начал, которые определяют народное мировоззрение и «нравственное бытие народа». Общей особенностью изысканий русской мифологической школы, а также художественных произведений, созданных на русской фольклорно-обрядовой основе, явилось вынесение нравственного принципа в изучение народа и народного творчества.

Важно подчеркнуть, что данная тенденция нашла выражение и в белорусской литературе. К авторам, чья творческая активность приходилась на этот период, относятся поэт и фольклорист Я. Чечет, А. Верига-Даревский, написавший поэму «Братьям-литвинам» и «Охульга», поэты В. Коротынский, В. Сырокомля и А. Рыпинский, автор баллады «Нечистик».

В ряду этих имен особенно выделяется Барщевский, и его «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах». Его книга, вобравшая белорусские языческие верования и фольклорные и мотивы, явилась важным этапом на пути постижения не только белорусской, но и славянской мифологии в целом.

Повествование в книге Барщевского имеет притчевый характер. Очевидно, это связано с тем, что жанр притчи был хорошо известен воспитанному на уважении к Библии писателю. Кроме того, притча как жанр аллегорический позволял высказывать самые важные, а порой даже крамольные вещи. Некоторые главы книги «Шляхтич Завальня» целиком являются притчами, в других случаях повествование имеет лишь некоторые притчевые признаки. Притчи Барщевского наполнены религиозным содержанием, их поэтика обусловлена законами средневековой христианской притчи. В них отсутствует описание природы, бытовых картин и портретных характеристик, они не имеют развитого сюжета, но несут в себе символический смысл.

Например, является откуда-то в Белоруссию «гость». Он не похож на здешних людей: низкий, худой, всегда бледный, с большим носом, словно клюв хищной птицы, густые брови, взгляд враждебный, черные одежды его – это не ряса ксенза или одежда пана. Автор называет его чернокнижником, «черным гостем». Через некоторое время этот человек бесследно исчезает, но после себя оставляет плоды. Те, с кем он общался, становятся совсем другими. Мораль соплеменников становится им чуждой. Судьба этих учеников и сторонников чернокнижника обычно трагична. Они либо погибают, либо лишаются родины, либо их ждет наказание за вольное или невольное преступление. Тем самым Барщевский предупреждает, что не будет счастья народу, который утратил свой край, свои традиции, свою веру.

Любопытно, что Барщевский не расшифровывал аллегии своего повествования. Он не шел по пути баснописца, который в последней части произведения выводил мораль и растолковывал суть всего сказанного им выше. Он оставлял читателя самого осмысливать затронутую проблему.

Смысл народных обычаев, примет и предостережений Барщевский особенно подчеркивает, когда вставляет этнографические описания обрядов в текст своего повествования. Например, тускло горящие свечи в руках венчающихся в костеле народ воспринимает как предвестие беды: «Не будзе тут щчасця»[1, с.34]. По приказу пана садовник сажает молодые дубки, хотя и знает, что тот, кто сеет желуди или сажает дубы, скоро умрет. И садовник после этого испытывает тоску, «сохне», а с наступлением весны, когда дубки зазеленели, скончался.

В текстах писателя фантастическое тесно переплеталось с реальным. Сущность исторических событий, их причины и результаты он осмысливал в образно-аллегорической форме. И этим проза Барщевского отличается от фольклорных произведений.

Литература.

1. Баршчэускі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Я. Баршчэускі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – 383 с.
2. Лойка, А.А. Гісторыя беларускай старажытнай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд. у 2 ч. Ч.1. / А.А. Лойка – Мінск : Вышэйшая школа, 1989. – 318 с.
3. Макаревич, А.М. Праблема жанравых мадыфікацый у беларускай прозе XIX - пачатку XX ст. / А.М. Макарэвіч – Магілеў : МДУ імя А.А. Куляшова, 1999. – 332 с.
4. Падбярэскі, Р. Беларусь і Я. Баршчэускі / Баршчэускі Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Р. Падбярэскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – С.331-367.
5. Пыпин, А.Н. Белоруссия и Сибирь / Истории русской этнографии / А.Н. Пыпин – СПб., Изд-во М. Стасюлевича, 1892. – 488 с.